

Глава 2

В Царстве призраков, где веками царила непроглядная ночь, над куполом небес замерла кровавая луна.

На берегу Реки Забвения, опершись о борт деревянной лодки, сидел юноша в черных одеждах. Он беззаботно болтал ногами, касаясь белоснежными ступнями мерцающей зеленым светом воды.

На самом дне в нечеловеческих муках стонали бесчисленные призраки, но юноша не обращал на них ни малейшего внимания. В левой руке он держал кусок отборного нефрита цвета бараньего жира, а в правой — резной резец. Его привлекательное лицо выражало крайнюю сосредоточенность, а взгляд застыл, прикованный к обработке камня.

Лишь подойдя ближе, можно было заметить: на изящной шее юноши покоилось кольцо из белого нефрита и лотоса. Тонкая золотая цепь изящно огибала плечи, а сам нефритовый лотос покоился на груди. В самом его центре алела капля свежей крови. Именно этот узор юноша старательно воспроизводил на своем кусочке камня.

Неизвестно, сколько прошло времени, пока он наконец не закончил работу. Сдув каменную крошку, юноша поднял нефрит к кровавому лунному свету и с удовлетворением оглядел то, что получилось.

— Как тебе? — спросил Мо Яньхань у стоящего подле него высокого и худощавого белолицего призрачного заклинателя.

Тот ответил сиплым, но безупречно ровным голосом:

— Резьба Владыки призраков подлинно совершенна, это произведение истинного мастера.

Мо Яньхань удовлетворенно кивнул и принялся крутить нефрит в ладони.

— Желает ли Владыка, чтобы подчиненный сохранил эту вещь? — поинтересовался белолицый.

Не успел он договорить, как Мо Яньхань сжал ладонь — и новосозданный нефритовый лотос мгновенно обратился в пыль. Налетевший холодный ветер подхватил ее и развеял над водой, не оставив и следа.

Белолицый заклинатель тут же пал на колени:

— Подчиненный виноват, что дерзнул омрачить настроение Владыки.

Следом за ним на землю с шумом опустилась целая вереница стражников и служанок, державших подносы с чаем, фруктами и сладостями.

Мо Яньхань лишь небрежно махнул рукой:

— Пустяки. Просто этот предмет напомнил мне о Шэнь Хуайцзюне.

Если бы не Шэнь Хуайцзюнь, не было бы и этого кольца из белого нефрита и лотоса. И он, великий Владыка призраков, не оказался бы заточен в Царстве призраков на сотни лет, лишенный возможности ступить в мир смертных. В этой крошечной обители от тоски можно было сойти с ума.

Смахнув с ладоней остатки каменной пыли, Мо Яньхань окликнул:

— Бошэ!

— Слушаюсь! — из глубины толпы, расталкивая слуг, выбежал тучный темнолицый призрак. С довольной ухмылкой он подскочил к Владыке и, не дожидаясь приказов, развернул свиток, только что полученный от тайной стражи. В нем содержались ежедневные донесения о Шэнь Хуайцзюне.

— Сегодня на Утёсе Раскаяния с утра шел легкий снег, сменившийся сильной метелью. Мороз стоит такой, будто попал в толщу вечного льда.

Мо Яньхань прикрыл глаза и сладко зевнул:

— Пропусти.

— Шэнь Хуайцзюнь ненадолго вышел к пещере, после чего вернулся обратно. Вскоре глава ордена Цинсяо, Цинь Минчжэ, в сопровождении учеников прибыл на Утёс Раскаяния, дабы убедить Шэнь Хуайцзюня признать вину.

Мо Яньхань скушаяще подпер подбородок ладонью:

— Дальше.

Темнолицый продолжил читать:

— Шэнь Хуайцзюнь отказался признавать вину и, дабы доказать свою невиновность, бросился в Пруд Уничтожения Бессмертных... Бросился в... Пруд Уничтожения Бессмертных?!

Услышав это, Мо Яньхань застыл. Прыжок в Пруд Уничтожения Бессмертных означал верную смерть. Но если Шэнь Хуайцзюнь погибнет, то и печать, которую он лично наложил, должна развеяться?

Он опустил взгляд на свою шею. Забыв о строжайших правилах Царства призраков, двое стражников тоже устали на изящное украшение, которое на деле было тяжелейшей оковкой, удерживавшей их господина сотни лет. Внезапно по нефриту, словно шелковая лента, проскользнула яркая вспышка. Капля крови исчезла, а сам белый нефрит стал быстро бледнеть и истончаться, пока не превратился в едва заметный призрачный силуэт.

Кольцо из белого нефрита и лотоса исчезло!

Ликованию собравшихся не было предела. Весть мгновенно разнеслась по самым дальним уголкам Царства призраков. Бесчисленные сонмы подданных пали на колени. В экстазе восторга они воздевали руки к небу и с грохотом ниц склоняли головы, отдавая Владыке высшие почести, принятые в их землях.

— Поздравляем Владыку призраков с возвращением в мир смертных!

Громовой хор голосов сотряс своды небес. Мо Яньхань и сам до конца не верил происходящему. Он осторожно коснулся пальцами едва видимой тени у себя на груди и осознал, что многовековое заклятие действительно пало. Ошеломленный, он поднял взор к проходу, ведущему в мир людей.

Белолицый призрачный заклинатель, проникательно разгадав порыв своего юного повелителя, торопливо накинул ему на плечи плащ из вороньих перьев с золотой нитью, поправил на голове золотой венец и, опустившись на колени, преподнес Восемнадцатизвенный кнут свирепого дракона. Алая плоть была сплетена из сухожилий чудовищного змея, вырванных у него живьем при поимке.

Покачивая алой кистью кнута, Мо Яньхань вскинул руку и звонко щелкнул пальцами:

— Пошли, наведаемся в мир людей!

— Слушаюсь! — расплылся в подобострастной ухмылке темнолицый, вытираясь вперед. — Куда изволит отправиться Владыка? В персиковые рощи Цзиньси, к величественным пикам области Фусянь или, быть может, заглянем к демонам перебраться парой слов?

Мо Яньхань погладил хрупкий призрак печати на своей груди и хищно усмехнулся:

— Нет. Сперва мы направимся к Пруд Уничтожения Бессмертных.

В мире смертных царили ясность и покой. Лишь над владениями ордена Цинсяо пронеслись несколько темных призрачных сгустков. Оставив в небе длинный черный шлейф, они в мгновение ока растворились без следа.

— Господин! Господин, подождите меня! — тяжело дыша, едва поспевал сзади Бошэ.

Но Мо Яньхань не намеревался замедлять шаг. Его ледяной взгляд был неотрывно устремлен вперед — так матерый волк въедается глазами в добычу, не позволяя никому опередить себя.

Сонм призрачных теней стремительно опустился на занесенный снегом Утёс Раскаяния. Никогда не замерзающий Пруд Уничтожения Бессмертных раскинулся подобно стоячему болоту — ничто в его мрачной глади не напоминало о том, что еще недавно он поглотил прославленного на весь мир Первого бессмертного господина.

Холодные снежинки медленно опускались на бледную ладонь. Снег Утёса Раскаяния обжигал свирепой стужей и долго не таял.

— Жив... — выдохнул Мо Яньхань и сжал ладонь.

Он коснулся пальцами прозрачного призрака кольца на шее. Пусть печать почти разрушилась, но ее след все еще оставался — а значит, тот человек был жив.

Получив негласный приказ, призрачные заклинатели рассредоточились во все стороны, приступив к поискам.

Мо Яньхань огляделся вокруг. Окрестные вершины тонули в снегу, кругом не пролетало ни единой птицы, а лютый ветер непрестанно резал кожу, точно наточенный клинок. Орден Цинсяо выбрал действительно идеальное место для покаяния. Кабы не поиски, Мо Яньхань и мгновения не пробыл бы в этой суровой обители стужи.

"И как только ты, Шэнь Хуайцзюнь, умудрился выжить в таком холоде целых двадцать лет?" — нахмурившись, подумал он, разглядывая нетающий кристалл снегопада на ладони. Пронизывающая стужа проникала в самое нутро, отзываясь ломотой в костях.

Бошэ угодливо подобрался ближе:

— Господин, раз Шэнь Хуайцзюнь все еще жив, то как вы поступите с ним, когда поймаете?

Этот Шэнь Хуайцзюнь был преступником, удерживавшим Владыку призраков более двухсот лет, заклятым врагом, которого Царство призраков поклялось уничтожить. А Мо Яньханю, как правителю призраков и пресловутому злейшему демону, известному во всех четырех морях и девяти провинциях, полагалось оказать Бессмертному господину самый "радушный" прием.

Мо Яньхань, хоть и обладал статусом властелина, из-за длительного заточения не имел возможности проявить силу в деле. По сути, это был его первый столь важный приказ.

Растирая между пальцев прозрачную льдинку, он на мгновение задумался, после чего его взгляд ожесточился:

— Жестоко и ужасающе. Так, чтобы до смерти напугать тех старых пердунов, что дерзнули меня запечатать.

Бошэ хихикнул и тут же воодушевленно предложил:

— В подземельях под нашим дворцом, среди бескрайних призрачных земель, бушует пламя алого лотоса. Достаточно крошечной искры, чтобы сжечь душу дотла!

Мо Яньхань неопределенно хмыкнул. Безжалостно, но недостаточно кошмарно.

Тогда Бошэ с ехидной ухмылкой выдвинул новую идею:

— Из тысячелетних трупов, поднятых со дна Реки Забвения, вытоплен густой мертвенный елей. Ежели бросить человека туда, ощутит он, будто миллионы муравьев заживо пожирают его плоть. Ни жить, ни умереть не сможет!

Мо Яньхань слегка кивнул:

— Сойдет.

Бошэ довольный потер руки: угодить молодому Владыке было задачей не из легких, так что похвала "сойдет" уже считалась высшей наградой.

Однако в следующее мгновение Мо Яньхань резко взмахнул рукой. Его плащ из вороньих перьев с золотой нитью вспыхнул под слепящим солнцем, а от алого кнута повеяло смертоносным холодом.

— Раз Шэнь Хуайцзюнь держал меня в заточении двести лет, то за каждый год я всыплю ему по удару. Сперва отведаст двести плетей, а там видно будет!

— Владыка мудр!

— Вот уж воистину достойное наказание!

Призрачные заклинатели наперебой засыпали его лестью. Мо Яньхань нетерпеливо

отмахнулся, повелевая им расступиться, и поднял алый кнут к солнцу, тщательно разглядывая оружие. Он вознамерился немного разогреться, дабы не ослабить размах в решающий миг.

Однако едва он развернулся, как до его носа донесся резкий, едкий запах крови с металлическим привкусом.

Они находились в сосновой роще у самого края Пруда Уничтожения Бессмертных. Густые ветви тяжело клонились к земле. Мо Яньхань, чувствуя смутное беспокойство, пошagal по неровной каменистой тропе. Запах крови становился все гуще, и за поворотным утесом его зрачки сузились от неожиданности.

Пруд Уничтожения Бессмертных просуществовал не одну тысячу лет, превратившись со временем почти в местную достопримечательность. Нашлись умельцы, что уложили подле него каменные плиты, возвели резные колонны и срубили изящную беседку под названием Беседка Созерцания Грома. С белоснежной черепицей и зелеными столбами, она была выполнена в традиционном стиле Цзяннани, а ее ступени вымостили небесно-голубым нефритом.

И прямо на этих нефритовых ступенях сейчас съехался человеческий силуэт.

Белоснежные даосские одежды волочились по грязи, а иссиня-черные волосы упали волной на спину, скрывая лицо. Человек беспомощно распростерся на краю пруда, упираясь тонкими, словно бамбуковый стебель, пальцами в промерзший камень. Под порывами лютой метели его суставы покраснели от нестерпимой стужи.

Наступил полдень — самое суровое время, когда снегопад на Утёсе Раскаяния бушевал сильнее всего. Одежда лежащего насквозь промокла в воде пруда, отчего холод врезался в его тело еще беспощаднее.

Это был... Шэнь Хуайцзюнь.

Мо Яньхань мгновенно узнал заклятого врага, однако увиденное заставило его застыть на месте. Ему полагалось подскочить к нему с безумным хохотом, осыпать глумлением, со всей силы пнуть и бросить беспомощного бессмертного обратно в ледяную пучину. Он тысячу раз проигрывал в уме сладкие картины мести, но сейчас не мог сделать и шага.

Сердце сжалось, будто его сдавила когтистая призрачная лапа. В груди все смешалось, отозвавшись странной, невыносимой тоской.

Напомнив себе, что прибыл ради расплаты, Мо Яньхань чеканя слова выкрикнул:

— Ты ли Шэнь Хуайцзюнь?!

Промокший до нитки бессмертный, едва находясь в сознании, при звуке его голоса смутно

повел головой.

Сердце Мо Яньхэня пропустило удар.

Это было то самое лицо — знакомое до мелких черточек, являвшееся ему в бесчисленных снах, не утратившее своего потрясающего совершенства. Но ныне кожа Шэнь Хуайцзюня казалась мертвенно-белой, без единой капли крови. Сжатые губы выдавали нестерпимую муку, а из-под полуопущенных век выкатилась и скользнула по щеке кровавая слеза. словно феникс, стонающий от смертельной раны, ронял капли крови вместо слез.

Говорили, лишь испытав предельное земное страдание, человек начинает плакать кровью. В древних фолиантах подобное упоминалось крайне редко, и надо же было увидеть это собственными глазами.

— Ты... — застыл в оцепенении Мо Яньхэнь.

Заметив замешательство господина, Бошэ подоспел к нему и тоже замер от вида истекающего кровью бессмертного. Осознав, что перед ними тот самый Шэнь Хуайцзюнь, он злорадно расхохотался:

— Поздравляю Владыку! Наконец-то ваша месть свершилась!

Мо Яньхэнь молчал. Угрюмо сжав губы, он не сводил тяжелого взгляда с лежащего.

— Господин, какова будет ваша воля? Наказать его? Приказать связать этого негодяя, чтобы вы вволю высекли его? — выжидающе спросил Бошэ.

Высечь?..

Взор Мо Яньхэня упал на поникшие плечи Шэнь Хуайцзюня. Налетевший порыв студеного ветра заставил бессмертного мелкой дрожью содрогнуться всем телом. Когда-то могущественный Бессмертный господин ныне оказался беспомощен перед простым земным морозом. Похоже, его духовные силы были полностью уничтожены.

Эти руки — тонкие, длинные, пальцы которых некогда сжимали легендарный древний меч Цзинфэн, способный одним взмахом раскалывать твердь гор и рек, — теперь бессильно сжимались на промерзшем нефрите. Он пытался согреть окованные пальцы, но скромные усилия были тщетны перед беспощадным ураганом.

Какая уж тут плоть! Попробуй они его просто связать — и это сразу же лишит его остатков жизни.

— Или Владыка желает действовать наверняка и сжечь душу Шэнь Хуайцзюня пламенем алого лотоса? — заискивающе переспросил Бошэ.

Эти назойливые расспросы заставили Мо Яньханя очнуться. Замешкавшись на миг, он сделал шаг вперед, на ходу расстегивая свой плащ из вороньих перьев.

Опустившись на колени, он бережно накинуд дышащий пышущим жаром плащ на истощенное, дрожащее тело, защищая его от пронизывающего холода. Затем плотно затянул тесемки, укутывая обнаженную бледную шею и озябшие пальцы.

Ощувив теплую ткань, Шэнь Хуайцзюнь попытался повернуться, но этот порыв исчерпал последние силы. Едва бессмертный лишился чувств, Мо Яньхань подхватил его под спину и крепко прижал к себе.

От увиденного у Бошэ едва глаза на лоб не вылезли. Не отличаясь особой сообразительностью, он глуповато выпалил:

— Господин, к чему такие сложности? Давайте просто свяжем его, вздернем на дерево да отхлещем как следует!

Мо Яньхань словно не слышал его. Он ошеломленно взирал на лежащего у него на руках человека. Дыхание того было еле ощутимым, а лицо казалось почти прозрачным — казалось, еще мгновение, и душа покинет это тело. Боясь причинить вред, Мо Яньхань осторожно, едва дыша, поддерживал его.

Белолицый призрачный заклинатель выступил вперед и ничком склонился:

— Господин.

Мо Яньхань опомнился. Вскинув взор на беснующийся снежный вихрь, он поднялся и устремился на север, к густым зеленым склонам.

Бошэ окончательно обомлел и возопил вслед:

— Господин, да куда ж вы?!

Мо Яньхань остановился. Вспомнив, что оставляет целую свиту подчиненных без присмотра, он бросил через плечо:

— Алоча.

Белолицый Алоча тут же опустился на колени:

— Подчиненный слушает!

— Меня не будет несколько дней. Всеми делами Царства призраков заправляй сам, — велел Мо Яньхань.

— Слушаюсь, — отозвался Алоча и осторожно спросил: — А вы, Владыка?..

— Я... — Мо Яньхань со смутным чувством взглянул на бледное, лишенное красок лицо прекрасного бессмертного у себя на руках. — Мне нужно уладить личные дела.

<http://bllate.org/book/20545/2105861>